

Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир

Автор:

[Иван Кузнецов](#)

Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир

Иван Сергеевич Кузнецов

БукТех. Книги про технологии

Вся история мемов в одной книге – от первых исследователей нового социального явления до новейших мемов и их происхождения. В своей книге популяризатор меметики и журналист Иван Кузнецов рассказывает об этом прочно вошедшем в наш обиход явлении, раскрывает механизмы появления мемов и их влияния на жизнь людей, объясняет, почему та или иная информация становится вирусной и как это связано с психологией. Увлекательное и познавательное чтение о предмете, который вы бы никогда не подумали исследовать научно.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Хотите секрет? Вы сделаете всё, что я захочу. Я управляю вашим настоящим, прошлым и будущим, меняя их так, как мне вздумается. Ваши жизнь, зарплата, симпатии, эмоции, мысли – в моих руках. Вы можете продолжать обманывать себя, можете даже смеяться надо мной, но для смеха нам не всегда нужна свобода. Я могу управлять вами так, что вы и не почувствуете леску, тянущуюся от моих пальцев к вашим рукам, ногам, голове... В вашем разуме уже прогрессирует психологический вирус, который я предусмотрительно подсадил туда.

Сюжет захватывающий, не правда ли? Этот архетип определённо из тех, которые притягивают наше внимание. Ещё бы, массовый гипноз – это же так интересно! Да и кто из нас не желал бы хотя бы однажды овладеть техникой

манипулирования. Чего можно было бы добиться, умей я управлять другими: повышение по службе, увеличение зарплаты, симпатии окружающих... Может, бесплатный кофе по утрам? Или свидание с красоткой, симпатии которой годами безуспешно пытался добиться? Ах, если бы я только мог управлять окружающими!

Сегодня эта ваша мечта может частично реализоваться. Нет, прогулок при луне и бесплатного кофе вы не получите, но воздействовать на общественное мнение и влиять на взгляды окружающих вполне сможете. Всё дело в хорошо знакомых вам мемах – этих забавных на первый взгляд информационных вирусах, упрощающих вашу коммуникацию в Сети. Но заметили ли вы, что ваши знакомые уже стали неотъемлемой частью политических процессов в вашей стране?

Как журналист, я знаю, что вирусная информация – один из самых эффективных способов манипуляции. Как бывший преподаватель одного из столичных вузов могу сказать следующее: никто и никогда не научит вас создавать эффективные мемы и управлять массами. Но я могу рассказать вам всё, что знаю о мемах сам, – и, быть может, эта информация станет полезным инструментом в ваших руках.

Конечно, психологический вирус – всегда обоюдоострое оружие, и зло в умелых руках может обернуться благом. Но стоит ли испытывать судьбу, играя со столь опасной силой, пусть даже и гипотетически? Ответ неоднозначен – трудно понять, каковы будут последствия применения пси-вируса. Очевидно одно: за чтением книг и просмотром фильмов о психологических эпидемиях мы не заметили, как вирусная информация стала частью нашей жизни.

Почему люди голосуют за мультяшек, домашних животных и ряженых актёров? Как заставить избирателей полюбить себя? Почему платье первой леди и усы пресс-секретаря важнее политической программы государства? И как со всем этим связаны троянцы, французский философ и осьминоги, живущие на деревьях?

Я приглашаю вас в это небольшое путешествие, которое заняло у меня несколько лет, а у вас отнимет всего пару часов. Давайте вместе попробуем узнать, что же такое вирусная информация, и как знакомые нам мемы могут использоваться политиками в их целях.

Пусть эта книга станет вашей вакциной от ментальной заразы.

Культурные гены

Вся жизнь – мем. Что такое мемы и что стало с изучающей их наукой?

«...психическая зараза, микробы которой хоть и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду, передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты...»

В.М. Бехтерев, «Внушение и его роль в общественной жизни»

В начале ноября 2016 года в США произошло событие, повлиявшее не только на геополитическую обстановку, но и на глобальную медиасреду. Победу в президентской гонке одержал, пожалуй, самый неожиданный и одиозный кандидат – миллиардер Дональд Трамп. В то время, когда политологи давали прогнозы политического курса новоизбранного 45-го президента, теоретики и практики медиа поспешили заявить о торжестве нового формата политической агитации и передачи информации – медиамема.

Именно тогда мемы впервые попали в поле зрения большинства российских экспертов как объекты политического дискурса – пока отечественные журналисты не придавали значения этому формату, считая его всего лишь смешными картинками, западные исследователи уже давно говорили о «новом короле политической коммуникации», «уничтожающем политическую культуру».

Любой, кто наблюдает за тенденциями мирового медиапространства хотя бы в течение последних пары лет, может согласиться: чем больше мемов мы видим в политическом пространстве, тем меньше знаем о них. Точнее, тем больше возникает вопросов. Откуда взялись мемы? Почему политики, бизнес-элиты, пиар-службы и маркетологи все чаще прибегают к помощи вирусных форматов информации? Как мемам удаётся воздействовать на сознание людей? И главное

– что такое мем?

Если вам знакомо слово «мем», скорее всего, вы являетесь активным пользователем интернета. Также при упоминании мемов вы, вероятнее, представляете себе забавную иллюстрацию с краткой и ёмкой подписью. Нередко под данным названием понимают – и это вернее – целый ряд вирусных форматов передачи информации. Безусловно, именно эти картинки мы сегодня называем мемами, однако так было не всегда.

Ответ на вопрос о том, что такое мем, не давал покоя исследователям на протяжении нескольких десятилетий. Началось это задолго до появления интернета, персональных компьютеров и даже самого понятия «мем». Научное сообщество рассматривало вероятность существования особых психологических вирусов, и многие исследователи всерьёз задумывались о потенциальном создании ментального оружия, которое могло бы воздействовать на сознание людей. Одним из таких учёных был российский психиатр Владимир Михайлович Бехтерев.

В 1903 году Бехтерев писал о некоем «психическом контагии», «вирусе», который передаётся через «слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр.». Психиатр был одним из первых учёных, развивших идею пси-вируса. Сущность его теории заключалась в том, что человек борется с внушаемыми идеями подобно тому, как организм борется с бактериями. Сам Бехтерев, в свою очередь, ссылается на более ранние работы украинского психолога Бориса Сидиса, который также утверждал о борьбе человека с вирусными идеями.

Владимир Бехтерев. Источник: wikipedia.org

Во второй половине 1970-х концепция «психических вирусов» сама стала вирусной идеей. Известный английский биолог и популяризатор науки Ричард Докинз первым «заразил» ей научное сообщество. В 1976 году 35-летний учёный издал книгу «Эгоистичный ген» (“The Selfish Gene”), посвящённую эволюционной биологии, в одной из глав которой он дал бехтеревскому «психическому вирусу» новое имя – мимем (от греческого mimesis, что означает «подобие»). Автор, сравнивая мимем с геном, так писал об этом новом явлении:

«Мне думается, что репликатор нового типа недавно возник именно на нашей планете. Он пока еще находится в детском возрасте, все еще неуклюже барахтается в своем первичном бульоне, но эволюционирует с такой скоростью, что оставляет старый добрый ген далеко позади».

Биолога интересовал вопрос аналогии между генетической и культурной эволюции. Если в живой природе существует самореплицирующаяся единица (иными словами, способная к самовопроизводству, самокопированию и распространению), – ген, – то насколько велика вероятность существования подобных частиц в рамках культурной эволюции?

Учёный пришёл к выводу, что передача культурного наследия происходит по аналогии с передачей генетической. Мимемы, как полагал Докинз, являются некими частицами культуры, которые во многом подобны генам. Эти «культурные гены», по мнению учёного, способны передавать информацию от одного человека другому так же, как участки ДНК переносят через поколения генетическую информацию. Для удобства, а также для придания большего сходства с английским словом «ген» (англ. gene) Ричард Докинз сократил термин «мимем» до «мим» (англ. meme). Именно по аналогии с геном английский «мим» в русском языке превратился в «мем».

Ричард Докинз. Источник: Wikipedia.org

Середина 1980-х годов ознаменовалась появлением новой научной дисциплины, изучающей мемы. К тому моменту количество сторонников идеи Докинза было достаточно велико для того, чтобы дать начало новой молодой науке. Именно с этим предложением выступил физик и информатик Дуглас Хофштадтер.

Стоит отметить, что сторонники теории мемов подвергаются критике со стороны научного сообщества за то, что большинство из них не имеет не только социологического или психологического образования, но зачастую и академического образования вообще. Тем не менее, многие авторитетные учёные нашли теорию мемов достаточно правдоподобной и привлекательной.

Среди них был и известный учёный Дуглас Хофштадтер. В своей авторской колонке в Scientific American Дуглас в 1983 году предложил выделить дисциплину, изучающую мемы, в качестве самостоятельного движения и назвать её «меметика» (memetics) – по аналогии с генетикой. Предложение физика было принято, и меметика начала своё развитие в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Популярности меметики способствовал широкий успех «Эгоистичного гена» Докинза. В то же время свою концепцию «культургена», аналогичную теории мема, предложили биологи Чарльз Ламсден и Эдвард Осборн Уилсон. Однако труд Докинза был куда более популярен, чем научные статьи Ламсдена и Уилсона.

Примечательно, что мем упоминался лишь в последней главе «Эгоистичного гена», и сам автор был вынужден многократно заявлять, что книга посвящена именно генетике, и своим трудом он не стремился вторгнуться в сферу культуры. В примечаниях ко второму изданию, выпущенному в 1989 году, Докинз официально заявляет, что не желал «создавать великую теорию человеческой культуры» и требовал лишь особого внимания к «самореплицирующимся единицам». Тем не менее, во многом вопреки воле автора, «Эгоистичный ген» стал «библией меметики», а сам учёный приобрёл всемирную известность как популяризатор науки и автор теории мемов.

Ричард Докинз продолжал развивать свою теорию в последующих трудах, таких как «Расширенный фенотип» (1982), «Слепой часовщик» (1986), «Вирусы мозга» (1993). В последней работе автор, будучи авторитетным учёным-атеистом, активно выступающим против религий, приводит попытки объяснения религиозной веры с точки зрения мемов, используя положения уже существовавшей к тому времени меметики. Мвзгляды меметиков на религию в следующей главе.

Другим значимым для развития меметики трудом стала опубликованная в 1992 году книга профессора Дэниела Деннета «Consciousness Explained» («Объяснённое сознание»). Согласно теории Деннета, концепт мема встраивался в теорию разума. Деннет был настроен критически по отношению к идее культурных генов, приводя в своей книге яркую и экспрессивную метафору:

«Не знаю, как вас, но меня изначально не привлекает идея того, что мой мозг является некоторого рода навозной кучей, в которой размножаются личинки идей других людей. Согласно этой точке зрения, кто же главнее – мы или наши мемы?».

Поиск ответа на этот вопрос исследователи продолжают до сих пор.

В своём нынешнем виде меметика существует с 1996 года, который ознаменовался выходом сразу двух знаковых для научной дисциплины книг. Авторы, – далёкие от так называемого академического мейнстрима исследователи, не имевшие фундаментального социологического или психологического образования, – сумели изменить взгляд на теорию мемов и внесли значительный вклад в развитие меметики.

Первый, математик и философ Аарон Линч, много лет проработавший на посту инженера лаборатории Фермилаб в Чикаго, представил публике собственное понимание теории вирусных культурных единиц в книге «Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society». Линч не интересовался ходом культурно-эволюционных процессов того времени, и разработал свою теорию независимо от исследований других авторов. Хотя работа Линча во многом повторяла теорию Докинза, существует популярное мнение, что Аарон Линч впервые услышал про «Эгоистичный ген» лишь незадолго до выхода в свет его собственной книги и якобы не обращался к труду Докинза при создании своей теории.

Следующим автором, выпустившим знаковое для развития меметики исследование в 1996 году, стал бывший менеджер Microsoft Ричард Броди. Программист по образованию, Броди представил свой взгляд на теорию мемов в книге «Virus of Mind: The New Science of the Meme». Данный труд стал вторым по популярности (после «Эгоистичного гена») изданием, мотивировавшим многих исследователей к дальнейшим научным разработкам. Книга Броди была рекомендована рядом высших учебных заведений США в качестве учебного пособия, а также издана на русском языке под названием «Психические вирусы. Как программируют ваше сознание».

Идеи, представленные Докинзом, Линчем и Броди, развили исследователи Джейбран Берчетт, Лэрри Лоттман и Левиоус Роландо. Они предложили новое понимание мема – как единицы культурной информации, которая поддается копированию и находится непосредственно «в сознании» человека. Эта идея расколола меметиков на два лагеря – интерналистов и экстерналистов. К первым относились основоположники меметики: Ричард Докинз, Аарон Линч, Ричард Броуди, Джейбран Берчетт. Интерналисты определяли мем как единицу передачи культуры и полагали, что мемы хранятся в человеческом мозге.

Экстерналистской позиции придерживались, в частности, генетик Дерек Гэзерер и исследователь культурной революции Уильям Бензон. Группа учёных-экстерналистов определяла мемы через поведение человека и артефакты культуры. Суть их взглядов доступна даже тем, кто далёк от меметики: как может понимание того или иного явления, та или иная идея совпасть в разумах множества людей? По мнению экстерналистов, мысли, идеи, внутренние структуры мозга на современном этапе развития науки наблюдать невозможно, и существование меметики как науки реально лишь в том случае, если предмет её изучения станут аспекты культуры, которые можно перевести в количественные данные.

Интерналисты парировали, что нужно лишь подождать, что совсем скоро при помощи новых технологий станет возможным наблюдение мозговой активности. Кроме того, говорили интерналисты, культура включает в себя именно убеждения, а не артефакты, и что артефакты, в отличие от идей и убеждений, в известной степени не могут быть репликаторами. В противостоянии этих двух

групп лидерство очевидно было на стороне интерналистов, которые быстро обрели поддержку в лицах известного философа и когнитивиста Дэниела Деннета и антрополога Роберта Онгера. Уже в 1998 году стали слышны первые призывы прекратить дискуссии между интерналистами и экстерналистами.

Год спустя, в 1999, Онгер организовал конференцию в Кембридже, в ходе которой антропологи и социологи подвели промежуточные итоги развития меметики. По итогам конференции Роберт Онгер опубликовал книгу «Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a science», предисловие к которой было написано Деннетом. Хотя официально дискуссии между двумя группами исследователей завершились тем, что споры попросту сошли на нет, победа интерналистской концепции была очевидна.

Точку в научном споре поставил выход в 2002 году «манифеста интерналистов» – книги «Электрический мем» авторства того же Роберта Онгера. В этой работе профессор проанализировал культуру и культурное пространство с позиций меметики. По мнению Онгера, мем можно рассматривать как культурный репликатор, передающийся от человека к человеку в ходе межличностного общения. Исследователь полагал, что основным вопросом, который ставит перед нами теория мемов, является следующий: думаем ли мы, или наши мысли «думают сами по себе»? Один из выводов Онгера – далеко не все наши мысли являются нашими собственными. Многие из них передаются, словно мемы, или внедряются извне осознанно.

Ещё одна из «пионеров меметики» наряду с Докинзом, Деннетом и Онгером, психолог Сьюзан Блэкмор, осталась в стороне от дискуссий, не приняв ни одну из сторон. Исследователь внесла значительный вклад в развитие меметики, представив аудитории ряд научных статей и активно участвуя в развитии электронного журнала «Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission» («Журнал Меметики – Эволюционные Модели Передачи Информации»).

Журнал, ставший основной дискуссионной площадкой меметиков, впервые появился на базе Городского университета Манчестера в 1997 году, вскоре после выхода работ Броди и Линча. Именно в «Журнале Меметики» были опубликованы многие научные статьи психолога, включая одну из самых известных её работ «Imitation and the definition of a meme».

В 1999 году Сьюзан Блэкмор выпустила книгу «The Meme Machine» («Машина Мемов»), о которой положительно отзывался сам Ричард Докинз. В «Машине Мемов» Блэкмор доработала идеи, высказанные Броди, Линчем и Деннетом, а также изложила новый взгляд на теорию эволюции, основанный на положениях меметики. К слову, несмотря на то, что официально Блэкмор занимала нейтральную позицию в споре экстерналистов с интерналистами, она фактически разделяла идеи последних.

В целом же после того, как противостояние между интерналистами и экстерналистами сошло на нет, основные положения меметики выглядели следующим образом.

Под мемом по умолчанию понимали некую единицу культуры, репликатор, который распространяется от человека к человеку благодаря процессу имитации. Успешным мемом является тот, который способен оказать наибольшее влияние на эффективность своего носителя при передаче другим носителям.

Под сознанием подразумевалась совокупность мемов, их комплекс, который именуется мемплексом (от *memeplex* – *meme* (мем) и *complex* (комплекс) (англ.)).

Меметики утверждали, что эволюция культуры – не более чем эволюция мемплексов, которая осуществляется при помощи мутаций, копирования и естественного отбора, в ходе которого «выживают» самые успешные репликаторы.

Исследователи также полагали, что истинность мемов не имеет никакого значения, поскольку главную роль в процессах репликации играет их способность копировать себя от одного носителя к другому. Это положение особенно важно в контексте настоящего издания и современного глобального медиапространства в целом.

Ещё одним исследователем, осуществившим существенный вклад в изучение мема, стал индонезийский ученый Хокки Ситунгкир. В своей работе «On selfish memes: culture as complex adaptive system» («Эгоистичные мемы: культура как комплексная адаптивная система»), опубликованной в 2004 году, он рассматривает мемы как единицы культурной эволюции, предлагая законы их распространения, общее место и роль в культуре. Ситунгкир вывел ряд формул, раскладывающих общечеловеческую культуру на ряд составных элементов. Культура, по его мнению, составляется культурными институтами; они, в свою очередь, состоят из культурных объектов. Последние же состоят из мемов – научных абстракций, в понимании Ситунгкира.

Развитие меметики продолжалось и в менее известных, но не менее значимых трудах учёных и исследователей различных научных школ и отраслей науки. Однако эти работы, внося важный вклад в развитие молодой научной дисциплины, подчас порождали лишь новые вопросы. Как идеи передаются от человека к человеку? Почему одни мемы оказываются долгосрочнее и эффективнее других? Как наше сознание реагирует на потенциальный культурный ген? По-прежнему оставался без ответа и главный вопрос – что же такое мем?

Несмотря на то, что Ричард Докинз ввёл в научный дискурс новое понятие, которому вскоре было суждено совершить переворот в онлайн-коммуникации и глобальном пространстве медиа, определение, данное им, звучало весьма расплывчато, а потому неубедительно. Учёный утверждал, что мем – это:

единица культурной информации, способная к самокопированию и распространению внутри человеческого сообщества благодаря процессу имитации.

Это определение было подвергнуто критике со стороны многих исследователей, которые отмечали, что таким образом мемом может быть всё, что угодно, что один человек передаёт другому. Однако несмотря на критику определения Докинза, учёные по сей день не смогли предложить альтернативы. По этой причине единого и общепринятого определения мема не существует до сих пор. Дефиниция, данная Докинзом, подвергается критике за свою обобщённость и отсутствие конкретизации. Многие учёные предлагают своё определение мема исходя из позиций различных научных дисциплин: психологии, медиалогии, биологии, когнитивистики, социологии, культурологии, филологии и многих других.

В 1998 году термин «меме» официально вошёл в английский язык. Новое слово было добавлено в Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary). Определение понятия, указанное в словаре, звучит так:

элемент культуры (или системы поведения), передающийся от одного человека к другому путем имитации или иным негенетическим способом.

Однако согласие по вопросам точной дефиниции мема так и не было достигнуто. Более того, далеко не все исследователи приняли сам термин, предложенный Докинзом. Соглашаясь с существованием описанных биологом «культурных единиц», учёные предлагали собственные названия, среди которых:

Ментальный вирус (Ричард Броуди, «Психические вирусы: как программируют ваше сознание»);

Идея-вирус (Сет Годин, «Идея-вирус? Эпидемия!»);

Культурген (Чарльз Ламсен, Эдвард Осборн Уилсон, «Genes, Mind and Culture: The coevolutionary process»)

Медиавирус (Дуглас Рашкофф, «Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание»)

Несмотря на спектр предложенных вариантов, в научной среде за описанными культурными единицами закрепилось название, предложенное Докинзом. Под ним подразумевались идеи, традиции, верования, модели поведения и другие установки, которые заключены в человеческом разуме.

Мемы находятся в разуме одного, нескольких или десятков сотен человек и продолжают копироваться в процессе самопередачи от одного разума к другому. Этот процесс называют репликацией. В этом мемы действительно напоминают вирусы – одного «заражённого» идеей достаточно для того, чтобы ментальная бацилла за короткое время передалась окружающим. В случае с культурными единицами распространение их от человека к человеку возможно благодаря обучению и имитации. Копируя – осознанно или нет – поведение, реакции, мировоззрение, верования и т.д. других людей, мы «заражаемся» ментальным вирусом, – мемом – а затем передаём его другим людям схожим образом. Таким образом наша мысль или идея воспроизводится в новом

носителе.

По мнению Докинза, мемы, подобно генам, способны к мутации, искусственной селекции и естественному отбору. Многие успешные идеи, традиции и верования выдерживают проверку временем (естественный отбор), тогда как другие навсегда остаются лишь на страницах учебников. Иные мемы, например, традиции и обычаи, с течением времени изменяются естественным путём вследствие исторического процесса, что напоминает мутацию генов. Наконец, ряд идей и ритуалов подвергались «искусственной селекции», когда некие внешние силы, группы или личности, политические элиты изменяли те или иные мемы для достижения поставленных целей.

Разумеется, существует множество примеров менее масштабных, но существенных «селекций», которые способны оказывать значительное воздействие на общество. В данном издании основное внимание уделено именно процессам создания, изменения и искусственного отбора идей с целью наиболее эффективного влияния на аудиторию, а также защиты от подобного рода манипуляций.

Кроме проведения параллелей с генами, меметики часто апеллировали к вирусам для описания принципов распространения и действия мемов. Так, например, сам Докинз нередко использовал эту аналогию. В «Эгоистичном гене» учёный цитирует своего коллегу, психолога Николаса Хамфри. Хамфри полагает, что мемы можно считать живыми структурами.

«Посадив в мой разум плодовитый мим, вы буквально поселили в нём паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мима, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина».

Психолог утверждает, что вирусная природа культурных генов – не просто речевой оборот, приводя в качестве примера мем «веры в загробную жизнь», который способен распространяться миллионы раз как некая структура в нервной системе не связанных между собой людей.

О вирусной природе мемов неоднократно говорили многие исследователи, настаивая в том числе на изменении самого определения «меме». В разное время авторы предлагали различные дефиниции, где слово «вирус» так или иначе присутствовало уже в самом понятии культурного гена. Так на аналогии с вирусами особенно настаивали сам Докинз, Ричард Броуди, Дэниел Деннет, Дуглас Рашкофф, Сет Годин и многие другие. При этом название «вирус», применяемое к «культурным генам» или мемам – не более чем хорошо функционирующая модель, предсказывающая и разъясняющая суть явления, которое анализируют меметики.

Конечно, аналогия «мем-вирус» неполная. Единицы культуры, мемы, – не живые вирусы, а абстракции, однако сама модель, которая включает в себя такой ассоциативный ряд как вирус – контакт – заражение – эпидемия и так далее – эффективная, образная и успешно работает.

In

meme

we

trust

...если родители вбивают ребёнку страх перед Богом, религия распространяется как вирус.

Ричард Докинз

Отдельного внимания заслуживает вопрос отношения меметиков к религии. Несмотря на это, в данном издании культурные элементы, так или иначе связанные с религиозным дискурсом, будут затронуты лишь косвенно или в качестве заслуживающего внимания примера, для самих исследователей проблема религии и связанных с ней паттернов стояла особняком, и большинство из авторов так или иначе обращались к ней в своих работах. Именно в контексте религиозного мировоззрения возник ряд терминов,

имеющих особое значение для понимания меметики. Особое внимание тематике религии уделяли Ричард Докинз и Дэниел Деннет. Докинз, будучи активным популяризатором науки и одним из самых известных и авторитетных оппонентов креационистской концепции, посвятил этим вопросам несколько своих книг, вышедших в свет после «Эгоистичного гена».

В конце XVIII века английский богослов и теолог Уильям Пейли представил миру свой труд «Естественная теология», в котором выдвинул аргумент в доказательство существования божественной силы. Суть его сводилась к следующему философскому умозаключению: часы, будучи сложным механизмом, не могли появиться из ниоткуда, сами по себе, а были сделаны разумным мастером-часовщиком. Живые же существа, обладающие куда более сложным устройством, чем часовой механизм, по мнению Пейли, также должны быть созданы кем-то намеренно.

В 1986 году Ричард Докинз выпустил в свет книгу «Слепой часовщик», в которой вступил в полемику с Пейли. Докинз утверждает, что в ходе естественного отбора сложные организмы возникают из первоначальной простоты в результате процессов эволюции. И, если «часовщик» Пейли и существует, то он слеп, бездушен и неразумен, и имя ему – естественный отбор. Активная атеистическая позиция Докинза вызвала острую полемику в британском, а следом и в мировом обществе. Но популяризатор науки и не думал останавливаться, выпустив после «Слепого часовщика» ещё несколько книг и десятки статей с жёсткой критикой креационистской теории. —

Пожалуй, самая популярная работа Докинза после «Эгоистичного гена» – «Бог как иллюзия» – увидела свет в 2006 году, и с тех пор была переведена более чем на 30 мировых языков. В этом своём труде учёный исследует вопрос веры в сверхъестественного творца, подкрепляя и иллюстрируя свою точку зрения множеством источников, в том числе и религиозных. Основой тезис этой книги Ричарда Докинза – мнение, что, если вне зависимости от опровергающих то или иное убеждение фактов это самое убеждение остаётся неизменным, оно является ошибочным. В том же 2006 году Докинз основал Richard Dawkins Foundation for Reason and Science (RDFRS) – некоммерческую организацию, созданную для «популяризации здравого смысла и атеизма». Учёный стал

настоящим лидером среди протестующих против идей креационизма, религии и псевдонауки. Как автор «Слепого часовщика», Докинз получил награду королевского литературного общества. Британский журнал Prospect в 2013 году признал биолога главным интеллектуалом мирового значения. Его вклад в популяризацию науки, атеизма, эволюционной биологии – как и в теорию мемов – неоценим.

Ещё один известный меметик, исследовавший вопросы религии и религиозной приверженности, – профессор университета Тафта Дэниел Деннет. В 2006 году Деннет выпустил свою самую известную книгу «Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon», которая вне сомнений будет интересна тем, кто интересуется философией и критикой религии. Одним из ключевых понятий книги стала концепция «веры в веру». Деннет раскрывает эту мысль следующим образом: существует значительная группа людей, верящих в существование божественной силы. Эти люди уверены в том, что бог есть, и что бог – самое важное и прекрасное, что есть в их жизнях. В то же время существует и другая группа, которая «верит в веру в бога», то есть считают, что вера сама по себе – это безусловно положительное явление, что веру в бога следует распространять и поощрять, что вера в бога – прекрасное психологическое состояние, к которому следует стремиться. Согласно мнению Деннета, люди воспринимают фундаментальную непостижимость бога как должное именно благодаря «вере в веру». Потому никто – говорит учёный – даже священники, не способны стопроцентно доказать, что понимают то, о чём говорят.

Дэниел Деннет. Источник: Wikipedia.org

В контексте меметики религия заслуживает отдельного упоминания прежде всего потому, что через неё раскрывается ещё одно важное для исследователей понятие – мемплекс. Многие сторонники теории мемов рассматривали религию как совокупность ко-адаптированных мемов – традиций, артефактов, обычаев, ритуалов, комплексов верований и так далее. Эта самая совокупность и составляла мемплекс, меметический комплекс, сокращённо – memplex. Религиозные верования передаются от человека к человеку в виде подобного комплекса «культурных генов», который практически не подвержен изменениям с течением времени, не оспаривается и принимается как должное. Таким

образом, каждый новый адепт той или иной религии, религиозного течения вообще, получает не один мем, а целый комплект, готовое мировоззрение. Мемплекс, по мнению этих ученых, привлекает человека, затем побуждая его к репликации и распространению этого комплекса идей. Иными словами, «вирус религии» приманивает нового адепта, внедряется в его сознание и принуждает его распространять «вирус» дальше. Так в процесс репликации вовлекаются новые участники.

Концепцию «религии как мемплекса» особенно активно разрабатывали в своих книгах Докинз и Деннет. По этому поводу Ричард Докинз писал:

«Коадаптированные мемплексы эволюционируют таким же образом, как коадаптированные генные комплексы. Отбор благоприятствует мемам, которые эксплуатируют среду на собственное благо. Эта культурная среда состоит из других мемов, которые также подвергаются отбору. Поэтому мемофонд в конечном счёте приобретает атрибуты эволюционно стабильного набора, проникнуть в который новым мемам оказывается трудно».

Мемплекс, как считает учёный, побуждает «заражённого» распространять «идею католицизма» путём обращения в неё других людей. Есть и другой путь распространения этого комплекса – например, через вступление в брак. Католик женится исключительно на католичке (как и предписывает религия), затем производит на свет потомков, которые с высокой долей вероятности также будут обращены именно в католицизм. С идеей религии как мемплекса соглашалась и Сьюзан Блэкмор, продолжая исследования Докинза. Оба при этом полагали, что для человека подобные «вирусы ума» опасны, поскольку они быстро инфицируют людей и тратят их ресурсы.

Докинз, Деннет и Блэкмор, все они считали религию мемплексом и взяли это за основу своих трудов. Речь шла о религии как таковой, хотя, безусловно, каждый из них бросал камни в огороды англиканской и католической церквей. О мемплексной природе ислама заявил в своём исследовании индонезиец Хокки Ситунгкир. В качестве иллюстрации он приводит следующий пример:

«Ислам как культурный институт состоит из культурных объектов, таких как молитвенное время, вера в единого бога, а также конкретных материальных объектов, таких как мечети (построенные в различных архитектурных стилях в зависимости от места постройки), календарь и так далее. Иными словами, культурные объекты состоят из материальных артефактов, отличительных форм

поведений и систем различий (классификации, истории, знания, заключённые в символах, идеи и верования)».

Некоторое время назад я читал открытые лекции о мемах и вирусной информации в одном из православных вузов Москвы. С особой осторожностью – но и с глубоким интересом – я упомянул этот взгляд меметиков на религию как на мемплекс. Не забыл сказать и о том, что автор теории мемов и самого термина является одним из самых известных и непримиримых богоборцев в мире. Я с нетерпением ждал реакции аудитории и острой полемики, поскольку иной взгляд на объект изучения помогает развивать исследование. Представьте себе моё удивление, когда консервативная ортодоксальная публика не только не возмутилась точкой зрения Докинза и его единомышленников – наоборот! Один из слушателей, длинобородый мужчина лет шестидесяти, подошёл ко мне после лекции и сказал:

«То, что вы рассказали про мемы и такой взгляд на религию, очень интересно. Знаете, я когда-то видел что-то подобное в житии святого Георгия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kuznecov_ivan/memy-nauchnyy-vzglyad-na-fenomen-pop-kul-tury-zahvativshiy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)